

СО-БЫТИЙНАЯ ПЕДАГОГИКА СЕМЁНА АФАНАСЬЕВИЧА И ГАЛИНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ КАЛАБАЛИНЫХ

**Владимир
Морозов,**

директор
Центра внешкольной
работы им.

А.С. Макаренко,
кандидат
педагогических наук

«Посади дерево, вырасти ребёнка и построй дом» — гласит народная мудрость. В ней скрыто глубинное понимание духовности — назначение и смысл земного бытия человека.

Без осознания этой, на вид простой, истины невозможно научиться «сеять разумное, доброе, вечное». Ведь творчество педагога, как и всякое творчество, не может существовать само по себе. Оно — для других. Для истинной педагогики каждый ребёнок — целая планета, которую нужно открыть и понять. Приведу выдержки из «Мнения коллежского советника Ушинского о проекте преобразований, представленном из Гатчинского сиротского института»:

— *главное лицо должно быть воспитателем в полном смысле этого слова, отцом сиротского дома;*

— *сиротское заведение есть строго воспитательное заведение, а не департамент, не богадельня, не казарма и даже не простое учебное заведение;*

— *его (сиротского заведения) главная обязанность — заботиться о физическом и нравственном воспитании сирот и о возможно лучшем устройстве их судьбы;*

— *приняв сироту на своё попечение, заведение обязано поступить в отношении его, как поступил бы добрый, умный и попечительный родитель, и с одинаковой ревностью заботиться как о злых, так и о добрых, как о талантливых, так и бесталанных;*

— *заведение заменяет сиротам родителей, насколько, конечно, такая замена возможна, и в этом его главное, основное значение, к которому всё остальное в нём должно относиться, как средство к цели;*

— *в сиротском заведении всё должно исходить из одной идеи, стремиться к одной цели, двигаться по одной воле. Всякий разлад, всякая борьба между воспитателями, прежде всего, поразят само воспитание и отразятся самыми грустными явлениями в характерах воспитанников;*

— *несколько часов, проведённых в праздности, являются для детей сильнейшим наказанием. Любовь же и привычка к труду есть именно та почва, на которой могут успешно развиваться все добрые качества;*

— *дитя по самой природе своей требует беспрестанно физической деятельности. Если это требование детской природы не удовлетворено, то развивающиеся силы дитяти — ему вред; хорошо ещё, если ребёнок сделается только шалуном и буяном, но бывают последствия ещё хуже — ребёнок делается скрытным, злым мальчиком и устраивает для себя такую тайную сферу деятельности, в которую воспитателю нелегко проникнуть;*

— *институт должен заботиться о том, чтобы дать воспитавшимся в нём сиротам определённое положение в жизни.*

Сегодня самой распространённой формой призрения детей, оставшихся без попечения родителей, остаются учреждения интернатного типа. Но, к сожалению, существующая интернатная система — не лучшая среда обитания для обездоленных детей: госпитальный принцип организации жизненного пространства; замкнутость, отсутствие связей с социумом; пошаговый контроль и полная зависимость ребёнка от настроения взрослого; нарушенные связи детей со значимыми для них людьми; приобретение

различных видов депривации — материнской, сенсорной, эмоциональной, социальной и др. В результате воспитанники интернатов, как правило, не готовы к решению задач, которые встают перед ними в самостоятельной жизни. Потому что их не готовят к жизни, а содержат в изолированных условиях до достижения возраста, определённого законом. Между тем, отечественная педагогика располагает бесценным опытом воспитания, накопленным талантливыми последователями Ушинского.

В истории любой науки есть люди, имена которых символизируют создание собственного метода на основе знаний и опыта, накопленных предшественниками и в то же время учитывающего требования времени. К ним, бесспорно, принадлежит имя А.С. Макаренко. «Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них», — высказывался по этому поводу Антон Семёнович. Однако он предупреждал, что педагогический опыт может передаваться только в целостном виде. В противном случае «нарушенная в своей органической цельности система делается больной системой, и пересадка опыта оканчивается неудачей».

К.Д. Ушинский создаёт «Педагогическую антропологию» как собрание знаний о человеке, необходимых воспитателю. Этого направления придерживается и А.С. Макаренко: «не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека», «всё человеческое в человеке должно быть воспитано».

К.Д. Ушинский сравнил работу педагога с работой архитектора и пришёл к выводу, что для успешной деятельности обоих обязательны план, проект, чётко поставленные цели и задачи. Лишь определив их, можно приступить одному — к строительству здания, другому — к формированию характера человека. Научное решение проблемы проектной деятельности в образовании нашло своё выражение в педагогической теории

и практике А.С. Макаренко: «Хорошее в человеке приходится проектировать и педагог это обязан делать» и он же рекомендует иметь развёрнутую «программу человеческой личности».

«Работать сегодня по-макаренковски — значит работать по совести, работать со страстью, работать с педагогической правдой» — этим идеалом руководствовались в своей практической деятельности ученики и последователи А.С. Макаренко — Семён Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины. Огромный жизненный опыт, педагогический талант, умелые взаимоотношения с воспитанниками, высокие организаторские качества, поразительная способность создавать сообщества единомышленников, атмосферу человеческого родства — всё это снискало им почёт и уважение не только в детской, но и во взрослой среде, будоража сердца тех, кто искренне верил и верит в силу макаренковской педагогики. У педагогов Калабалиных был замечательный девиз: «Делать людей счастливыми!». При этом: «Счастливое детство — не значит беззаботное».

Уже в своих ранних публикациях С.А. Калабалин критически оценивает положение дел в детских домах, сетуя на то, что «существующая система воспитания в этих учреждениях способна растить только иждивенцев и бездельников, и в поисках нового почти всегда забывают о том, что многое уже раскрыто и найдено и, в частности, педагогом Макаренко». Память С.А. Калабалина сохранила всё, что советовал ему учитель:

— «До сих пор живому делу мешали впрямую — мешали чиновники, бюрократы, тупицы, но они не прятали своей ненависти и действовали открыто. Теперь будет иначе. Нам скажут: «Ваш опыт узок, это годится только для правонарушителей... Ты понимаешь, что я хочу тебе поручить?... Надо взять детский дом. Обыкновенный дом с обыкновенными, нормальными детьми и наполнить его здоровым детством...».

Всю свою жизнь Семён Афанасьевич исполнял этот наказ, делом доказывая: система Макаренко безотказна в любых условиях — и в годы войны, и в спокойное мирное время, и в колониях правонарушителей, и в обычных детских домах.

Калабалину всегда доставался запущенный, доведённый «до ручки» детский дом. Чем прикажете спасти положение? Проповедями? Наставлениями о достойной жизни? Нет, он обращается к урокам Макаренко: здесь, в нашем Доме, должно быть красивее и интереснее, чем в окружающей действительности. С первых дней работы Сергей Афанасьевич включался в преобразование, привлекая ребят.

На общем собрании воспитанники решили:

1. Расширить жилплощадь путём пристройки к спальному корпусу дополнительных площадей для четырёх спален.
2. Увеличить объём столовой и кухни.
3. Провести подготовительные работы для подводки водопровода и установки центрально-водяного отопления в спальном корпусе.

4. Построить спортивный городок.
5. Заложить гектар сада.
6. Вырастить в своём подсобном хозяйстве картофель, капусту и другие овощи.
7. Помочь колхозу выращивать кукурузу на площади 5 га.
8. Вырастить 20 свиней.

С.А. Калабалин понимал что воспитательная работа в детском доме очень сложна и многогранна. Поэтому никогда не занимал позицию стороннего наблюдателя, а всегда находился в гуще детей, вместе с ними работал, участвовал в праздниках, переживал с ними и горе, и радость.

Урок
С.А. Калабалина

О своей работе спустя много лет напишет: «На совести моей и моей жены, Галины Константиновны, нет ни одного пятна, которое помешало бы нам смотреть открытыми очами в глаза Родины, в глаза десяти тысяч воспитанных нами граждан».

Педагоги Калабалины учили своих воспитанников жить по-макаренковски: в труде, в заботе, с верой в завтрашнюю радость, которая способна сделать многое: лентяя — тружеником, боязливого — смелым, беспечного — ответственным, колеблющегося — решительным. Она закаляет волю, характер, вселяет гордое чувство человеческой силы.

С.А. и Г.К. Калабалины, как А.С. Макаренко, видели в каждом своём воспитаннике большой «диапазон возможностей».

Блиц-интервью с педагогами:

— Если коротко, в двух словах, что такое метод Макаренко?

С.А. Калабалин: Сам Макаренко! Его прекрасная жизнь, самозабвенное творчество, любовь вся, без остатка, детям. Если бы каждый педагог жил и поступал, как он, это было бы полное торжество советской педагогики.

Г.К. Калабалина: Макаренко умел найти путь к сердцу ребёнка, умел разбудить лучшие струны его души. Он знал, каким должен быть Воспитатель, и умел быть мастером, потому и дорог нам...

— Какой, по вашему мнению, самый большой недостаток воспитателя?

С.А. Калабалин: Бездушие. К воспитанникам надо относиться, как к собственным детям. Нельзя быть воспитателем, если ты не можешь относиться к ним, как отец, — строго, требовательно, но с любовью... Я довольно часто спрашиваю себя: а так ли я поступил бы со своим сыном или дочерью?

Г.К. Калабалина: Далеко не всякий хороший учитель может стать хорошим воспитателем. В детские дома поступают дети из разной среды, с разнообразными характерами и особенностями. Перед воспитателем стоит сложная и ответственная задача — заложить фундамент человеческой души, воспитать у ребёнка высокие нравственные качества. Работа эта кропотливая, требующая большого напряжения, упорного труда, терпения. Дети зорко следят за воспитателем, за всеми его действиями, и он постоянно должен помнить, что воспитывает везде и всегда не только словами, но, прежде всего, своими поступками, всем своим обликом.

— Что Вы пожелаете в качестве напутствия молодым педагогам-воспитателям?

С.А. Калабалин: Сейчас у школы и учителя другие беды и проблемы, в них

трудней разобраться, они очень разные, но у них есть отличительный признак... Признак этот — мертвечина. Недаром такими заумными мёртвыми словами говорят они о самом живом — о детях. Всё есть в их педагогике: высокие слова, цитаты, ссылки на авторитеты, инструкции, постановления. Одного нет в их педагогике: души, детей. Она бездушная, эта педагогика, бездушная и бездетная.

Когда меня спрашивают о педагогике А.С. Макаренко, когда некоторые утверждают, что она пригодна только для исправления беспризорных детей и для того времени, а не для *нас* и *наших* школ, одним словом, — это история прошлого, — я отвечаю так: нет, эта система — наука о воспитании — делаении человека... Эта боевая, творческая человечность и есть «соль» системы А.С. Макаренко, и её должны понять вы, будущие педагоги, вооружиться ею для ответственного участия в строительстве *Человека*.

Г.К. Калабалина: Я думаю, счастье в том, чтобы делать людей счастливыми. Не ищите лёгких путей в жизни, будьте там, где вы всего нужнее. Приступая к новой работе, подумайте не о выгоде своего положения, а о том, будет ли окружающим с вами хорошо. Если людям с вами легко, если от вашего присутствия тепло, то вы можете считать себя счастливыми.

Утверждая на практике педагогику любви, С.А. Калабалин писал: «Одно есть у меня — это безграничная, неземная и самая человеческая и чистая любовь к детям. На основании этой любви (а не наигранной или «сюсюкающей»), любви строгой, заботливой и требовательной, я обрушиваюсь прямой атакой на человеческие пороки...». Обладая великолепным даром психолога, С.А. Калабалин превосходно решал педагогические задачи, как бы сложны они ни были. Свободно мог раскрыть зависимость поведения воспитанника от обстоятельств его жизни, места и положения в детском коллективе, его личных притя-

жений и возможностей, умел удивлять и поражать ребят, а если надо, и покорять их. Никогда ни в чём не повторялся. Неожиданны, эффективны, остроумны были его приёмы воспитания.

Из воспоминаний московской учительницы И. Кленицкой:

«Мне посчастливилось ещё при жизни Семёна Афанасьевича Калабалина гостить в руководимом им детском доме в селе Клемёново. Каждый подросток видел, что результаты его труда позволяют улучшить питание, съездить в Москву на спектакль или футбольный матч, дать выпускникам богатое «приданое»,

Хозяйственные заботы в детском доме С.А. Калабалина

сделать подарки самым младшим. И у каждого была возможность выбрать дело по душе. Хочешь — ухаживай за поросятами или кроликами, хочешь — работай в саду, на огороде, в швейной мастерской. И как же хотели трудиться! Не могу забыть, как на заседании совета командиров плакал навзрыд мальчишка: из-за двоек по математике его решили временно отстранить от работы в свиарнике. Разумеется, такой «всамделишный» труд организовать куда сложнее, чем заниматься бесконечными сборами макулатуры. Вот и пустились бюрократы от педагогики на все лады объяснять нам, что всякий труд, сам по себе труд, — панацея от всех бед.

У Макаренко, как и у его последователей, результатами своего труда дети распоряжались сами. В этом — настоящая связь между принципами заинтересованного труда и самоуправления. Ни один принцип не искажался в нашей педагогической практике так, как этот. Сколько разговоров ведётся о том, что самоуправление «не идёт», дети пассивны! Но, простите, чем «самоуправлять» в типичной современной школе или детском доме? Выпуском стенгазеты? Проработкой дневников? *Колонисты управляли производством, всем своим бытом.*

С.А. Калабалин с воспитанниками детского дома

Заседание совета командиров в детском доме Калабалина... Обсуждается работа дежурных по кухне и столовой. Их обязанности — чистить овощи, разносить еду, убирать и мыть посуду, взвешивать порции масла и сыра...

Одно время из-за медлительности дежурных приходилось чересчур долго ждать ужина, и свободного времени до отбоя оставалось «всего ничего». Разобрались! Оказалось, виноват... изюм в шоколаде. За столиками — по четыре человека, если каждому — по пять штук, значит, на каждый стол на блюдечко нужно положить двадцать конфет. Вот и отсчитывали дежурные эти самые изюминки... Решение приняли простое: да кому нужна такая точность? Делить приблизительно, горстями и всё!

Не думаю, что в обычном детском доме взрослые нашли бы такой мудрый выход. Рождённый чисто практическими соображениями, он вместе с тем помогал избавиться от мелочности, помогал созданию семейной атмосферы. (Кстати, совет командиров решил не требовать в столовой абсолютной тишины, ведь не молчат же за обедом в семье!). А вскоре и масло стали взвешивать для всего стола... Затем начали обсуждать, куда пустить небольшие деньги, полученные сверх ожидаемого от сдачи кроликов. Помню, как кто-то предложил: «А ещё давайте давать гостям по две порции киселя!» Весело приняли. «Давайте давать»... Маленькая деталь, но трогательная. В детдоме любого гостя встречали, как самого долгожданного и почётного. И первым делом вели в столовую...

Под конец раздумывали о том, целесообразно ли приобретать лошадь, предложенную «за недорого» колхозом. *Какую хозяйственную сметку, практичность, ответственность проявили ребята! Дотошно выясняли все детали. Семён Афанасьевич не вмешивался, только отвечал на вопросы да подбадривал самых младших членов совета, если кто стеснялся сказать.*

А я, сидя на этом совете, всё вспоминала девственно-наивное удивление опытных педагогов: почему это их ребята не хотят «самоуправлять» выпуском очередного праздничного монтажа и проверкой наличия дневников? *Да потому что макаренковский принцип управления детьми, всей жизнью коллектива, всем, в чём они на самом деле заинтересованы, мы подменили игрой в самоуправление, когда главные решения, часто не отражающие интересов детей, принимаются взрослыми, а от ребят требуют одного — проявлять инициативу в выполнении этих решений».*

Повторение себя в другом человеке — величайшая ответственность и великое счастье. Семён Афанасьевич вместе с женой Галиной Константиновной создают со-бытийную педагогику, выполняя

тем самым пожелание своего учителя — «наполнить детский дом здоровым детством». По сути, это педагогика Отца и Матери детского дома: директор — хозяин дома в ответе за всех и за каждого в отдельности, воспитательница — духовная наставница детей, олицетворённая любовь. И интернат перестаёт быть казённым учреждением, становится семейным детским домом со своим укладом и традициями.

Установленный педагогами своеобразный «домострой» не только определял жизнь детского учреждения, но и ставил воспитанника в позицию активного участника и создателя новых условий жизнедеятельности, а не просто потребителя, иждивенца. Правила домашнего устройства и нормы поведения принимались всеми обитателями Дома, и уже это обеспечивало им хозяйственный и педагогический успех.

В таких условиях воспитание могло быть только трудовым. «Домострой» обязывал культивировать труд как главную ценность и смысл жизнеустройства. И это давало возможность привить детям такие социально-значимые качества, как трудолюбие, стремление к самостоятельности, отвращение к праздности, тунеядству и лени. А также создать здоровое детское сообщество, коллектив, т.е. то, без чего ребёнок не может полноценно развиваться.

Из дневников С.А. Калабалина:

«Некоторые педагоги до сих поржимают плечами: не переборщил ли Макаренко, безусловно, опираясь на коллектив? Ведь, в конечном счёте, нам надо воспитать личность. Коллектив не цель, а всего лишь средство. Тут кроется хитрая диалектика. Для организатора воспитательного процесса коллектив и цель, особенно на первой стадии его развития, и средство на втором этапе. Для самих же участников воспитательного процесса, т.е. для ребят, он должен выступать как цель. Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Для нас ребёнок —

объект воспитания, для себя он — живой человек, и убеждать его в том, что он только будущий человек, что он — явление педагогическое, а не жизненное, невыгодно и неправильно».

Дневники С.А. Калабалина — сокровищница педагогического опыта и вместе с тем летопись жизни детских учреждений, где он работал:

«В текущем году (1964) из детского дома уйдут на дороги жизни более десяти девушек и юношей. Они прожили в детском доме по одиннадцать лет. Наши выпускники — образованные, интеллигентные

люди. Из детского дома они уйдут в институты, в техникумы, рабочие коллективы предприятий и совхозов, а некоторые в армию. Они станут рядом со своими старшими братьями и сёстрами, вышедшими из детского дома в прошлом году, и вместе с ними будут навещать свой детский дом, как свой родительский дом. Они станут зримой радостью, уверенностью в завтрашнем дне для своих младших братьев и сестёр, находящихся ещё в детском доме.

Наши «старички» много сил отдали на благо детского дома... Приросли мы к этим детям, и, кажется, отламывается от сердца ломоть трепетно-родного. Радоваться бы родительской радостью, а мы печалимся. Но печаль эта счастливая. Но пока наши «старики» дома.

Трудовой десант

Они в серьёзной тревоге — ведь предстоят государственные экзамены. В детском доме это предстоящее событие переживают все: ходят тихо, говорят шёпотом. Или вот такая сценка:

— Сашка? Да не получит золотую медаль?!

— Так я ж не сказал, что Сашка не получит золотую медаль... — Я сказал, что и Мишка получит, а ты — Так двое малышей выражают своё отношение к академическим успехам своих старших братьев.

В этом и наша отчётливая уверенность, что мы не останемся одинокими родителями. Мы вдруг ясно увидели, что к избаловавшей нас гвардии старших вплотную подошли новые похорошевшие лица. У них нет ещё той уверенности и хватки, как у старших, но они уже ощутимая смена. К ним, конечно, придёт и уверенность, и хватка организаторов...» (архив Педагогического музея А.С. Макаренко).

Семён Афанасьевич Калабалин обладал большим опытом общения с людьми. И это помогало ему в педагогической работе. Он пишет: *«Прежде всего, я стараюсь понять каждого вновь прибывшего воспитанника. Мне это несколько легче, потому что я сам был и плохим, и хорошим. Помните: однажды меня Антон Семёнович выгнал из колонии вместе с вором Митягиным. Это было мне уроком на всю жизнь. К тому же прибавился опыт за много лет работы с детьми в колониях и детских домах.*

Через мои руки прошли многие тысячи ребят. Я теперь с первого взгляда на воспитанника могу наметить какие-то перспективные линии. Эту мгновенную оценку можно сделать по глазам, очертанию лба, губам, улыбке и ещё по ряду неуловимых черт, которые мы называем обаянием. Стараюсь внутренне вжиться в каждого нового человека, поставить себя на его место и его глазами посмотреть на всё окружающее. Если что-то не вяжется, не ладится, то я не

могу заснуть, мучаюсь, ищу, прикидываю. Успокоюсь тогда, когда он мне станет понятен, а потом уже начинаю делать своё дело, уверенно соображая с опытом. Если произошло какое-то нарушение, то я почти безошибочно могу сказать, кто это сделал. Это даётся опытом, постоянным наблюдением за духовным и физическим развитием детей... Широко пользуюсь на мне проверенным методом — доверием. Но тут надо учесть одно обстоятельство, которое имеет первостепенное значение: надо, чтобы воспитанник верил тебе без всякого подозрения и сомнения. Только тогда можно проникнуть в его душу, да и он сам всё расскажет о себе самое сокровенное. Вот тогда только и начинается процесс лепки будущего человека».

Из воспоминаний Г.К. Калабалиной:

«Я как-то слышала разговор А.С. Макаренко с одним человеком. Антон Семёнович говорил: «Воспитывать легко». А тот ему: «Нет, трудно». Антон Семёнович: «Нет, легко, с одним только условием: этому нужно отдать всю жизнь!»

Мы с мужем действительно посветили этому всю жизнь. Я проработала в детских домах 50 лет. Всё было в эти годы: и плохое, и хорошее. Порой было так тяжело, что хотелось всё бросить и уйти, особенно во время войны: два с половиной года я не имела никаких вестей от мужа, погиб сын. И всё-таки осталось то, ради чего я жила — моя работа. Мои дети...

В детские дома поступают дети из разной среды, с разнообразными характерами и особенностями. Перед воспитателем стоит сложная и ответственная задача — заложить фундамент человеческой души, воспитать у ребёнка высокие нравственные качества.

Работа эта кропотливая, требующая большого напряжения, упорного труда, терпения.

Знать воспитанника только «на сегодня» — мало, надо знать его и «на завтра», чтобы совершенствовать его характер,

проектировать его будущее, помочь ему найти цель и идти к ней. Очень важно, чтобы сам воспитатель был разносторонне развитым человеком, постоянно ищущим, растущим, глубоко убеждённым в правильности своих действий и взглядов, во всём, что преподносит воспитуемым, работающим творчески, с огоньком. Чтобы жил он интересами коллектива, переживал бы их, как свои личные интересы, всегда и во всём был бы примером для воспитанников...

Воспитывая трудолюбие, я объясняла детям, что результат всякого труда, пусть неприятного, но полезного, приносит удовлетворение и радость окружающим... Ты разбиваешь цветники для того, чтобы всем было приятно отдыхать. Ты ухаживаешь за садом, чтобы все твои товарищи пользовались его плодами. Ты сажаешь, обрабатываешь и убираешь картофель, чтобы улучшить питание всем и себе. Показывая личный пример — воспитываешь эстетику труда. А отсюда и результаты. Так уж повелось, что поля нашего детского дома всегда находились в образцовом порядке, а урожай у нас был, как правило, выше совхозного.

У юношей и девушек 15–17 лет появляются первые признаки хорошей юношеской дружбы, подчас переходящей в любовь. И как тактично должен войти воспитатель в мир, в который его посвящает воспитанник, как умно надо направить первые увлечения, помочь уберечь первое чувство от грубого вмешательства посторонних. Они верят своему воспитателю, идут к нему, как к самому близкому и родному человеку, который поможет разобраться в самом себе, ответить на множество сложных вопросов. Заранее подготовленных ответов на такие вопросы, поставленные самой жизнью, не бывает. Их не найдёшь ни в одной методике. Ответ подскажет чуткое, внимательное сердце педагога. Принимая в свою группу нового воспитанника я первым делом пыталась понять его: знакомилась с «личным делом», налаживала связи и переписку с близкими и родственниками, чтобы познать его прошлое и причины, которые привели в детский дом. Свои наблю-

дения и выводы фиксировала в рабочем дневнике. Эти записи помогали мне в организации воспитательной работы. Изучая всё положительное и отрицательное в проявлениях ребёнка, я старалась найти то, что ведёт к его душе. И вот неожиданно для себя замечаю какую-то положительную чёрточку, часто маленькую, едва заметную. Я пытаюсь поймать эту чёрточку, начиная её развивать. Даю воспитаннику поручения, заинтересовываю интересным делом и стремлюсь, чтобы он выполнил всё аккуратно, хорошо. Всего этого можно добиться, только хорошо зная воспитанников. Нужно знать, кого и чем можно заинтересовать, кому и что можно поручить, на кого и как повлиять. Приведу один пример из опыта своей работы.

Встреча друзей — бывших воспитанников С.А. и Г.К. Калабалиных. Первый слева — Евгений М.

Евгений М. прибыл в Клемёновский детский дом в марте 1965 г. в 5-й класс из Ярославского детского дома для одарённых детей по направлению Управления детдомами Министерства просвещения. С первого дня он был определён в группу, где я была воспитателем, и действительно все пять лет был моим воспитанником.

Небольшого роста, коренастый, взгляд исподлобья, озлобленный, на всё смотрит с подозрением, недоверчиво, недружелюбно», — такие первые записи я

сделала в своём дневнике индивидуальные наблюдения. Далее я поняла, что не легко будет найти ключик к сердцу этого подростка. Какая-то большая обида, душевная травма отвернули его от всех, выбила из нормальной колеи жизни.

В наш детский дом, как правило, поступали дети, исключённые из других детских домов и школ, так называемые «трудные» (хотя я страшно не люблю этот термин). К каждому из них нужно было найти свой подход. Но, попадая в наш детский дом, они быстро приживались и, как правило, покидали его уже

прекрасными людьми. Но этот мальчик был значительно сложнее других. Внимательно изучив личное дело, а затем побеседовав с инспектором Министерства просвещения РСФСР К.М. Ивлевой, занимавшейся на протяжении ряда лет судьбой Евгения, знавшей его

семью и условия, которые привели его в детский дом; я уяснила картину его жизни, причины, сделавшие его «трудным». *Мальчик рос без родительского тепла, требовательной заботы. Между матерью и им лежала огромная пропасть, отсюда — его озлобленность, замкнутость.*

Коллектив нашей первой группы был дружным, сплочённым, со сложившимися традициями, но Женя входил в него трудно. В первое время у него было много эксцессов: то нагрубит в школе учителю, то уйдёт с урока, то порвёт учебник, то нарушит порядок в столовой, в спальне и т.д. Я много с ним разговаривала, посещала уроки в его классе, всячески старалась сблизить его с детьми, заставить поверить в людей, да и в себя. Много работал с ним и Семён Афанасьевич...»

Из воспоминаний Евгения М.:

Шесть долгих лет Калабашины терпеливо вытравляли из меня блажь, достигая нужного. Как-то Семён Афанасьевич застал меня за игрой в карты (уважал я это занятие и в нём известных успехов добивался). Кончилась игра, пойдём, говорит он мне, поговорим по душам. Предстал перед Советом командиров:

— Решайте, ребята, как поступить с этим негодяем. Я за исключение его из детдома, — а я уже тогда знал, что его зажигательная речь кого угодно убедит. — Ему нечего здесь делать. Он безо всякой пользы только пожирает государственный хлеб.

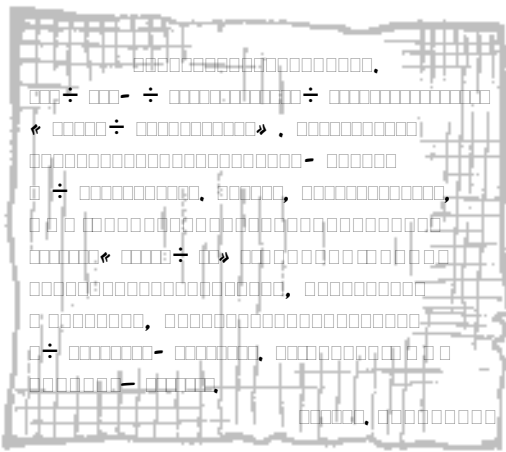
Сейчас, когда позади детский дом, я знаю: спасла меня милая, добрая, спокойная Галина Константиновна. Она уговорила ребят взять меня на поруки.

— Нет, так далеко мы не уйдём, — выговаривал жене Семён Афанасьевич. — Я буду ругать, а ты по головке гладить?

Из воспоминаний Г.К. Калабашиной:

— Женя очень любил музыку, хорошо играл на пианино (не случайно он был в детском доме для одарённых детей). В пионерской комнате стояло пианино. В свободное от занятий время Женя приходил играть, и по тому, как он играл, можно было угадать его настроение. Играл он всегда с душой. Я сама люблю музыку, вела в детском доме музыкальный лекторий. Как-то вечером, когда Женя играл произведение Бетховена, я потихоньку вошла в комнату и села на диван. Вдруг Женя сказал: «А знаете, Галина Константиновна, ведь Бетховен написал эту вещь будучи уже глухим...» Я ответила, что, мол, Бетховен писал музыку душой, сердцем, дескать, какую огромную душу надо иметь для этого. И мы разговорились о музыке, о композиторах, об искусстве, и я впервые увидела у Жени открытые, доверчивые глаза. И я поняла — «лёд тронулся».

С этого дня мы часто с ним встречались вечерами. Я подбирала ему книги, журналы. Однажды я попросила Евгения

Письмо
С.А. Калабина
своему
воспитаннику
В.В. Морозову
(автору статьи)

провести вечер в группе, посвящённый Чайковскому. Сначала он отказывался, но потом согласился. Женя стал тщательно готовиться, подбирая материал, иллюстрации, пластинки. Вечер прошёл отлично. Ребята слушали с увлечением, рассказ был ярким, эмоциональным. Слушатели одарили Женю бурными аплодисментами.

В этот вечер произошло его самоутверждение в коллективе. Вечер сблизил его с товарищами, пожалуй, впервые он почувствовал себя полноправным членом дома. Женя стал понимать, что его окружают не такие уж плохие люди. У него появились в группе друзья. А для меня, как воспитателя, он становился с каждым днём дороже, каждая его удача была моей радостью, вознаграждением за труд.

Конечно, чудес не бывает. Далеко не сразу удаётся снять накипь с человеческой души, которая накапливалась годами. Были ещё у Жени срывы, но теперь можно было влиять на него через коллектив, группу, совет командиров.

Когда Женя закончил восемь классов, мы не устроили его в ГПТУ, считая, что он ещё не совсем подготовился к самостоятельной жизни, а направили его в 9-й класс средней школы.

В 1970 году он закончил десять классов. Осенью этого же года ушёл в армию.

Я знаю, что Семён Афанасьевич иногда применял такой метод, как письма к отдельным ребятам по поводу того или иного поступка. Как правило, писал тем, кого больше любил. Писал лично, только ему, чтобы парень мог подумать над письмом. Иногда специально сгущал краски, развенчивал лжегеройство».

Из воспоминаний Евгения М.:

«Из армии я постоянно писал Калабалиным (нет у меня более родных людей). Как-то встал вопрос о моём досрочном увольнении из рядов Советской Армии. Пишу: *как быть Семен Афанасьевич? Военком ждёт моего решения.* Ответ пришёл быстрый и короткий: *«Если ты искренне спрашиваешь мое-*

го совета о досрочном увольнении из армии, то искренне тебе отвечу: Не смей! Не смей! Не смей! Это безнравственно, это непатриотично, не по-граждански. Это, наконец, малодушно и подло. Женька, если сотворишь хитрость, — я решительно выжгу твоё имя из моей человеческой души».

Сомнений у меня не оставалось.

Я написал, что продолжаю служить, что уже почти не получаю взысканий и совсем обхожусь без «губы». *«Очень тепло было на душе от слов твоих: «У меня всё отлично, «нарядов» больше нет», — читаю письмо Семена Афанасьевича. — Спасибо, сынок, что не собираешься подводить. Служи, дорогой, не отслуживай (не каторгу отбываешь). Служи, как гражданин... А в конце, как бы между прочим, добавляет, да, слово «хочется» не терпит мягкого знака. Зачем ты его лепишь, куда не следует?»*

Шесть лет рядом с Калабалиными.

Шесть лет — пустяковый отрезок на жизненной прямой (да не такая уж она у меня и прямая), а праздник на всю жизнь!..»

Для воспитанников С.А. Калабалина Клемёново — уголок Родины, а детский дом — их семья. «Клемёновские — не рабы! — напишет корреспондент газеты «Семья», посетивший дом Калабалиных. — Они, сызмальства меченные спиной сиротства, выросли таки счастливыми хотя бы потому, что мертвящая эрозия одиночества уже никогда не поразит их. Раскованные, общительные, дружелюбные, они вышли в жизнь возмужалые, с таким запасом прочности, что им в охотку предоставить тем, кто оказался в худших, а то и попросту в бедственных обстоятельствах, припасённый для себя спасательный круг». С этим трудно не согласиться. Они действительно могут многое и, пожалуй, самое главное, — помочь сегодняшним детдомовцам в их жизненном становлении, потому что у доброго дела должно быть продолжение. **НО**